Муж-еретик и разбойники

Был-жил крестьянин на пустом месте; было у него два сынка — в зыбке и годовой — и доцька трёх лет. Он сказал хозяйке: «Я завтра помру, повали меня под образа́ и трои суток кади». Мужик по́мер, жона двои суток кадила, а третьи забыла. Ходит девушка трёхлетная и говорит: «Маминька, маминька, отец-от ожил, сел». — «Што ты ди́ка кака́ — сел, помер ведь». Хозяйка зглянула, муж на лавке сидит, зубы брусом тоцит. Хозяйка схватила двух робёшков и на пець заскоцила, осталась девушка на полу. Покойник схватил из зыбки пелёнки и съел, и девушку съел, и стал пець грызь, а на пець не заходит. Тогда покойник схватил одного младенца и съел. Хозяйка змолилась всем святым угодникам: «Принеси кого-ле, господи, крешшоного человека, спаси меня». Отворелися двери, заходил Егорей святыя храброй, взял свою стрось, ударил пакойника по головы, сказал: «Проседь ты сквозь пол и сквозь землю, в превечную муку, окая́нной, нечести́вой». Покойник просел сквозь землю и неста́л. Тогда возмолилась эта женщина, не знала, думала, што простой мужик (святыя Егорей храброй был). Змолилася: «Человече, я не смею этта жить, он придёт съес меня». Сказал Егорей: «Ты не смешь жить, поди в город». — «Как, покуль итти?» — «Иди по этой дороге, стретятся ра́стани по дороги, поди по правой, а по левой не ходи отнюдь». Тут и разлучились, она пошла в путь, а он потерялса.

Шла женщина дорогу до растаней и хоцёт она по леву итти. Мальчик и сказал ей: «Мамонька, старицёк по правой велел итти». Сказала матушка: «Дыру он знат!» Пошли по левой. Шли, шли, увидали дом на столбах стоит высокой, дом преогромной. Вышли из дому старицёк и старушка, кланяютця низко. «Заходите пообедать». Зашли, налили штей и принесли белого хлеба, принесли говядину, целовецьки руки и ноги варёны. Женщина испугалась. «Мы, оннако, попали к розбойникам». Не стала кушать и мясо. Мальцик кушат. Накушались и повели их в странную горницу. «Отдыхайте с дороги, с пути». Вецер стал. Наехали ихны дети-розбойники. Шум, гром, хлопкотня́, гово́ря; иной хвастат: «Я убил человека, деньги ограбил». Иной хвастат: «Я скотину увёз». Все хвастают, всяки наделали людям изъяны. Старик да старушка и говорят: «Мы и некуда не ходили, не ездили, а две тетёрки нам сами прилетели». Говорят разбойники: «Покажите каки-таки тетёрки». Побежали в странную комнату, тащат мальчика за маха́ло в

куфню. Топитця пецька и чугун кипит. Мальцика пихнули в цюгун и сварили ужину. Закричал мальчик по-худому и недолго кричал, умертви́лса. Вынели мальцика на торелку, сели кушать; накушалися и успокоились спать.

Эта женщина боятця стала. Когда за́спали розбойники, она изломала окольници, спустилася на землю. Вереди́лась — обезу́мела; пролежалась и пошла к городу ближе. Шла она, стало светать. Убоялася розбойников и зарылася по́н мох. Розбойники утром стали, окольница сломана, нету. Седлали коней, брали собак, настигать поехали. Ехали, где она зарылась, тут искали — не нашли; оступились, уехали. Женщина вышла и пошла в город. Пришла в город, заевила начальству: под которым ветром дом стоит. Чиновники сказали: «Отведи нас, женщина, не врёшь-ле ты». Поежжать стали, клали пять боцёк с порохом, брали войска. Приехали к дому, розбойники окнами валят золото и серебро. «Не замайте нас, впредь таковыми не будем». Чиновники не принимают не золота, не серебра, подкатывают боцьку пороху под дом и зажигают порох. Тогда разлетелса дом на пять частей огнём и пылью; тогда и пеплу не стало ихнова.

(Кисляков Иван Никитич)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.